

О ЧИСЛЕННОСТИ ВАЙСОВЦЕВ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.¹

Ильдус Кутдусович Загидуллин

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань

Статью я посвятил проблеме численности вайсовцев в последней четверти XIX в. Этот критерий в значительной степени позволяет предметно рассуждать о роли Багаутдина Вайсова и его последователей в мусульманском общественном движении в Среднем Поволжье в данный период. Основным доступным источником по теме является делопроизводственная документация уездных и губернской администраций, отложившаяся в фондах Национального архива РТ. Как известно, в поле зрения властей вайсовцы попадали на основе обращений сельских обществ или волостных правлений, или полиции, или мусульманской общественности во главе с муллами в вышестоящие инстанции. Здесь особо следует отметить многочисленные прошения на специальных бланках «Божьего полка» и телеграммы Б. Вайсова и его последователей, адресованные императору, другим высочайшим особам, сановникам, а также литературную деятельность основателя «секты», издание им брошюр, которые способствовали формированию представления о мощном движении вайсовцев. Немаловажную роль в формировании у чиновников негативного имиджа вайсовцев как социально опасных элементов для российского общества играл их принципиальный отказ получать временные паспорта как разрешение на отлучку из местожительства, исполнять ряд государственных повинностей. Очевидно, вайсовец постоянно находился в напряженных отношениях с приходским имамом, ежегодно в ноябре – в период уплаты налогов – вступал в конфликт с местной общиной, члены которой были связаны круговой порукой, с волостным правлением и местной полицией, ответственными за своевременное и исправное внесение казенных платежей. Немаловажную роль играли также особенности поведения самого Багаутдина Вайсова, его резкие и бескомпромиссные высказывания и т. д. В результате в 1880–1890-е гг. наблюдалось уникальное явление – имперская власть встала на сторону институтов официального ислама и поземельных общин мусульман, потому что считала секту Б. Вайсова опасной для государства. В период массового бойкота мусульманскими сельскими обществами Казанской губернии в январе 1897 г. (Первой всеобщей переписи вновь) проявилась активность вайсовцев, которые

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 13–11–16018 а (p) /2014.

предприняли попытки руководства неповиновением местного населения. Информация об их протестном социальном поведении стекалась в канцелярию Казанского губернатора и в губернское жандармское управление. В канцелярии губернатора отложились также прошения ваисовцев, позволяющие идентифицировать их местожительство и численность. Документы судебных учреждений, следственные материалы, текст допросов обвиняемых и свидетелей позволяют выявить особенности социального поведения «мусульман-староверов», мотивацию их противозаконных поступков и т. д. Поэтому делопроизводственная документация в данном случае является репрезентативным источником по выявлению мест расселения и численности последователей Б. Ваисова.

Религиозный уклад ваисовцев противоречил обрядовым нормам «русского ислама», согласно которым все духовные требы обязательно должно было исполнять избранное приходом и назначенное властью духовное лицо. Ваисовцы ставили себя вне российского изобретения – «мусульманского прихода» – признаваемой властью мусульманской общины в округе ОМДС, не посещали мечеть, где общественной молитвой руководил имам, общественный и пятивременный намаз совершали в своих домах, игнорировали приходского имама, сами совершали духовные требы, обряды бракосочетания, наречения именем новорожденного, погребения, развода и т. д., об этих состоявшихся событиях некоторые ваисовцы позже уведомляли муллу, который фиксировал их в метрической книге [НА РТ, ф. 1, оп. 3, д. 10541, л. 8–8 об., ф. 199, оп. 1, д. 46, л. 88]. Вход в дом ваисовца посторонним лицам был возможен только с разрешения хозяина. Каждый ваисовец должен был строго охранять свой дом, как место совершения намаза, от осквернения. Это было его нравственным долгом перед Богом. Любой неприглашенный был обязан удалиться по просьбе хозяина, в случае отказа уйти, хозяин должен был избить его палкой, а если и это не подействует, то заколоть вошедшего ножом. Поэтому у каждого ваисовца в доме имелось холодное оружие, кинжал – хранитель святости дома [НА РТ, ф. 1, оп. 3, д. 10541, л. 8].

Тема нашей статьи попутно ставит еще одну проблему: когда сформировалась группа последователей Б. Ваисова: когда они начали ассоциировать себя как особую группу мусульман? К.Р. Шакуров обратил внимание на то, что только с конца 1870-х гг. ваисовцы-крестьяне перестали платить налоги, отказывались получать паспорта и т. д. [Шакуров, 2011, с. 81].

Среди государственных крестьян сложилось отношение к казенной земле, которую они обрабатывали, как к «своему» общинному наделу. В этой связи делопроизводственные материалы органов власти, имеющие отношение к коренным переделам в татарских поземельных общинах Среднего По-

волжья последней четверти XIX в. (1881–1882 и 1893–1894 гг.), выступают важным источником по выявлению локальных групп последователей Б. Вайсова в сельской местности.

В начале 1880-х гг. в общинах обострился земельный вопрос. В Казанской губернии общины стали инициировать проведение коренных переделов земли. Поскольку после 1858 г. государство не проводило ревизий, по материалам которых обычно осуществлялись коренные переделы земли, каждая община начала принимать самостоятельное решение: оставить прежний порядок или распределить душевые наделы заново – по наличным душам мужского пола. В Казанской губернии открытое противостояние крестьян по этой проблеме наблюдалось в трех деревнях Свияжского уезда [Смыков, 1973, с. 255–256], в том числе в двух общинах, в составе которых значились последователи Б. Вайсова.

В д. Карашам Свияжского уезда 2 февраля 1881 г. начавшееся столкновение группы вайсовцев во главе с Галиуллой Ибетуллиным с односельчанами остановил прибывший становой пристав. В качестве инициаторов конфликта полиция выделила Г. Ибетуллина, его сыновей Залялетдина, Замалетдина и Галиулла, Шарифулла Рахматуллина и Мингалея Валитова [НА РТ, ф. 1, оп. 3, д. 5195, л. 102]. Вайсовцев поддержала часть крестьян, которые хотели сохранить прежние наделы. Не соглашаясь с решением другой части односельчан, они захватили прежние наделы, уже не принадлежащие им по новому распределению, вспахали их и засеяли. Галиулла Ибетуллин 31 августа 1881 г. подал коллективное ходатайство министру внутренних дел, указав на нелегитимность общественного приговора общины о коренном переделе по наличным душам [Материалы по истории Татарии, 1936, с. 92–94]. В знак протеста в сельскохозяйственный сезон 1882 г. свои новые душевые участки вайсовцы не обрабатывали и не засеивали, обрекая свои семьи на голодное существование [НА РТ, ф. 1, оп. 3, д. 5195, л. 101–104 об.].

30 июля 1881 г., во время распределения земельных участков посредством жеребьевки, в поле сельского общества д. Молвино произошло кровопролитное столкновение несогласных с этим актом вайсовцев с односельчанами: 14 человек получили ранения различной степени тяжести, двое из них умерли, в том числе вайсовец Сайфулла Шарифуллин. (Брат шел на брата: от удара палкой вайсовца Ибрагима Рахматуллина скончался его родной брат.) Полицией были задержаны шесть подстрекателей и зачинщиков групповой драки (Фахрутдин Бикбов, Ибрагим Рахматуллин, Хамит Мазитов, Гайнулла Фаткуллин, Хаким Бикмухаметов, Ибетулла Шамсутдинов). Лидером группы вайсовцев полиция назвала состоятельного крестьянина Фахрутдина Бикбова, которого весьма поддерживал молвинский мулла Гисметулла Хайбуллин. Фахрутдин Бикбов пользовался большим авторитетом

среди односельчан и жителей ближайшей округи [Материалы по истории Татарии, 1936, с. 92–94].

Во время очередного коренного передела душевых наделов в поземельных общинах Казанской губернии в начале 1890-х гг., согласно делопроизводственной документации администрации, в этих селениях ваисовцы себя никак не проявили.

Появление двух локальных общин ваисовцев в расположенных недалеко друг от друга населенных пунктах объясняется, прежде всего, тем, что отец Б. Ваисова был уроженцем деревни Молвино, здесь же был прописан сам Багаутдин, видимо, имелась и родня. Личные контакты Б. Ваисова, соседские отношения, родственные связи способствовали увеличению его последователей в этих селениях.

Третья, самая крупная, община ваисовцев сформировалась в д. Татарское Беденьги Сюндюковской волости Симбирского уезда и губернии, где муллой состоял Габдуллатыф Халитов, главный идеолог секты. Известно, что Б. Ваисов обучался у муршида Джагфара Салихова до его кончины в 1862 г. Товарищем Б. Ваисова по учебе был Габдуллатыф Халитов, который не позднее 1879 г. был отстранен от духовной должности за контакты с Б. Ваисовым и конфликт с местным муллой [Усманова, 2009, с. 165]. После отстранения от духовной должности часть прихожан продолжала приходить в его дом на пятивременную молитву, его также приглашали для исполнения духовных треб, что по закону являлось прерогативой указного муллы. В отличие от ваисовцев в Казанской губернии, беденьговцы установили автономный религиозный уклад, а в вопросах выполнения повинностей и уплаты налогов подчинялись сельскому обществу. Поэтому симбирский уездный исправник сокрушался, что к ним невозможно применить репрессивные меры, поскольку в российском законодательстве не предусмотрено наказание за исламское религиозное «сектантство». Формирование в Беденьгах относительно крупной религиозной общины, в которой в конце столетия насчитывалось до 20 дворов, является заслугой Габдуллатыфа Халитова, который умер ранее 1897 г. [РТ, ф. 1, оп. 3, д. 10499, л. 13–13 об.].

Главная заслуга в комплектовании Божьего полка новыми членами принадлежала, конечно, самому Багаутдину Ваисову. Габдуллатыф Халитов, видимо, имел к этому индифферентное отношение, основное внимание уделяя работе интеллектуальной, нежели организаторской. По признанию самого Б. Ваисова (1881 г.), он готовил свои книги к изданию «с помощью опытного муллы» д. Татарские Беденьги Симбирской губернии [Усманова, 2009, с. 171].

После прекращения учебы в медресе д. Кулатка и обустройства в Казани в 1862 г. Б. Ваисов часто ездил к Габдуллатыфу Халитову, поскольку нуждался в его текстах, и даже очередную жену взял из крестьянской семьи

этого селения. По пути в д. Татарские Беденьги он старался заезжать в татарские селения с целью вербовки себе последователей. Так, в частности, Симбирское губернское правление от 20 мая 1880 г. за № 1192 уведомило казанского губернатора о том, что крестьянин Б. Ваисов, «именуемый себя дервишем, без всякого права и чьего-либо позволения является в Симбирскую губернию, разъезжает по татарским селениям в качестве учителя, возмущает татар против указного муллы, а посему в предупреждение того, что по учению Ваисова могут возникнуть вредные последствия», попросило запретить ему покидать место жительства [НА РТ, ф. 1, оп. 3, д. 6073, л. 6 об. – 7].

Проживая в Ново-Татарской свободе, в доме своей жены по улице Большая Симбирская, Б. Ваисов в начале 1880-х гг. открыл при доме школу [Шакуров, 2011, с. 71] и до 1882 г. обучал малолетних детей своих последователей и других мальчиков из сельской местности. 16 ноября 1882 г. муллы и мусульмане Казани обратились к властям с просьбой удалить Б. Ваисова и его ближайшего сотрудника А. Абдуллатыпова из города [Усманова, 2009, с. 189]. Казалось бы, за два десятилетия проживания Б. Ваисова в городе здесь должна была сформироваться большая группа его последователей. Однако этого не произошло. Казанские муллы и купцы выступили против миссионерской деятельности Б. Ваисова, не допуская детей казанцев в его школу. Стремление имамов и купцов изолировать городскую мусульманскую общину от влияния Б. Ваисова практически лишило его социальной базы для комплектования своих последователей из числа казанцев.

Благодаря проживанию Б. Ваисова в Казани, губернский город до его заключения в лечебницу стал духовным центром для его последователей. Зафиксированные в источниках факты ареста и высылки приезжавших в его дом последователей, не имеющих временных паспортов, свидетельствуют, с одной стороны, об активной социальной жизни его организации, с другой – о сотрудничестве городской полиции с местными мусульманами, благодаря «наводке» которых казанская мусульманская община пыталась избавиться от инородных элементов.

И было чего опасаться. Б. Ваисов стремился активно контактировать с мусульманами, приезжающими по различным делам в город или временно (или постоянно) проживающими в городе. Например, крестьянин д. Уразлино Куллекиминской волости Царевококшайского уезда Казанской губернии Г. Гизетуллин после встречи в г. Казани в 1884 г. с Б. Ваисовым вернулся домой обновленным, приняв учение «великого дервиша», и начал усиленно распространять это учение среди односельчан, впрочем, безуспешно [НА РТ, ф. 1, оп. 3, д. 10541, л. 11 об.]. Уроженец д. Вершина речки Нурмы Старо-Юмьинской волости Мамадышского уезда Халиулла Габидуллин [НА РТ,

ф. 1, оп. 3, д. 14099, л. 35 об.] получил свидетельство о членстве в «Божьем полку» самого Б. Ваисова во время прохождения военной службы в г. Казани. (По сведениям местных властей, он не занимался пропагандой среди мусульман, однако в мечеть не ходил, сам давал имена новорожденным детям, и его дети в метриках приходского муллы не значатся [НА РТ, ф. 1, оп. 3, д. 14099, л. 25–36]).

После отстранения от духовной должности Габдуллатиф Халитов, видимо, часто приезжал в Казань, готовя к изданию книги, которые публиковались под авторством Б. Ваисова, и одновременно принимал участие в вербовке новых членов секты, которых Б. Ваисов приглашал в свой дом для собеседования.

Список лиц, задержанных за нападение 3 января 1885 г. во дворе дома Б. Ваисова на полицейских и судебного пристава, позволяет расширить географию его сторонников. Помимо Габдуллатифа Халитова, были арестованы: уроженцы д. Большие Верески Казанского уезда Мухаммад-Юсуп Файзуллин и Негметзян Хузиахметов, крестьяне д. Мамадыш Акиловой Свияжского уезда Нурутдин Сайфутдинов, д. Алан Шепшиек Шакирзян Зябилов, крестьянин (запасной унтер-офицер) из Мульминской волости Казанского уезда Гильман-Абдул Файзуллин [Усманова, 2009, с. 208, 213].

Заключение Б. Ваисова в 1885 г. в городскую психиатрическую больницу (где он и умер в 1893 г.) пагубно отразилось на организации ваисовцев, хотя его контакты с родственниками и последователями продолжались вплоть до осени 1889 г. Однако главной причиной стала не столько изоляция признанного авторитета от своих последователей, сколько отсутствие среди них лиц, подготовленных для ведения полноценной проповеднической деятельности.

В новой ситуации оказалось востребованным системное изложение норм поведения членов секты. В результате осенью 1889 г. появились «Правила поведения члена Фирка-и наджия» [Усманова, 2009, с. 227–236]. В целом этот документ сыграл огромную роль в дальнейшем существовании и деятельности ваисовцев. Другой мерой по обеспечению жизнедеятельности секты явилось назначение Б. Ваисовым 12 своих «доверенных» из числа грамотных и наиболее активных последователей, которые были призваны руководить социальной жизнью дисперсно расселенных членов «Божьего полка» [НА РТ, ф. 1, оп. 3, д. 10499, л. 27 об. – 28, 62 об.].

Н.Ф. Катанов отмечал, что «с заключением Ваисова в лечебницу распространение его учения... прекратилось» [Катанов, 1909, с. 4]. М. Сагидуллин, видимо, исходя из данного мнения Н.Ф. Катанова, первый период ваисовского движения определил «с 1862 года до первого погрома и судебного процесса над ними 23 октября 1884 г.», а начало второго периода

обозначил 1905 годом, оставив «коридор» с 1885 по 1904 г. [Сагидуллин, 1930, с. 5]. Между тем очевидно, что идеи Б. Вайсова не могли исчезнуть в одночасье.

Какие изменения произошли в составе вайсовцев после заключения Б. Вайсова в психиатрическую больницу?

В 1890-е гг. в ряде сельских регионов противоречия с вайсовцами перешли в новую фазу. Сельские общества научились взыскивать налоги с вайсовцев путем принуждения. Механизм такого принуждения красочно описан в жалобе крестьянина Г. Гизетуллина из д. Уразлино. В его хозяйство ежегодно приходили приходской имам, волостной старшина, представитель полиции, под руководством которых из амбара изымалось зерно, в случае отсутствия хлеба из хозяйства забирались бытовые предметы для того, чтобы выставить их на продажу. Иначе говоря, применялись полицейские принудительные методы как к злостному неплательщику налогов [НА РТ, ф. 1, оп. 3, д. 10499, л. 57–62 об.].

В начале 1890-х гг. в союзе с приходскими имамами и с разрешения властей сельские общества стали практиковать высылку в Сибирь наиболее упертых и нежелающих платить налоги вайсовцев как «вредных членов» общины путем составления общественных приговоров. Причем принудительной высылке подвергались наиболее активные, в том числе «доверенные» лица Б. Вайсова, что приводило к ослаблению местной общины. В частности, после ссылки в 1891 г. по приговору сельского общества д. Карашам трех местных лидеров вайсовцев, в том числе «доверенного» Шигабутдина Сайфутдинова [НА РТ, ф. 1, оп. 3, д. 8453, л. 5 об.], в этом селении активность последних заметно ослабла. Более того, в начале 1890-х гг. некоторые вайсовцы деревень Карашам, Молвино, Верхние Ураспуги стали «обычными мусульманами». Один из самых активных, владевших грамотой, в том числе русской, «доверенных» лиц Б. Вайсова Мухаммад-Юсуф Файзуллин общественным приговором односельчан в 1898 г. был сослан в г. Семипалатинск [НА РТ, ф. 1, оп. 3, д. 10541, л. 5 об.]. В 1901 г. на два года за пределы губернии был выслан казанский мещанин, живший в Ново-Татарской слободе – Гизатулла Хамидуллин [Усманова, 2009, с. 97].

Другой важной причиной ослабления духа вайсовцев явилась временная изоляция и заключение ряда активных членов «Божьего полка» в психиатрическую лечебницу, что лишало их возможности вести активную общественную деятельность среди последователей Б. Вайсова [Шакуров, 2011, с. 83, 92].

В 1889 г. в Свияжском уезде насчитывалось до 150 душ сторонников Б. Вайсова обоего пола. Из них до 130 человек (в 13 домах) проживало в д. Карашам, около 15 человек – Молвино, по одному – в населенных

пунктах Васюково, Татарские Наратлы и Мамадыш-Тявгильдино [НА РТ, ф. 1, оп. 3, д. 7629, л. 35].

В январе 1897 г., во время проведения Первой всеобщей переписи населения, в Свияжском уезде 11 семей ваисовцев в д. Молвино, 4 семейства в д. Кугеево, 7 семейств в д. Карашам отказались пустить в свои дома счетчиков [НА РТ, ф. 199, оп. 1, д. 46, л. 75–75 об.].

К 1900 г. в д. Карашам полиция насчитала 5 ваисовцев, особым влиянием пользовался Габделсаттар Бикчентаев [НА РТ, ф. 1, оп. 3, д. 11525, л. 8], в д. Городище – 1 человек, в д. Молвиной – 8 человек, еще четверо проживали в Казани [НА РТ, ф. 390, оп. 1, д. 520, л. 68]. Среди молвинцев большой авторитет имел Шакур Латыпов. Налицо значительное уменьшение численности последователей Б. Ваисова в населенных пунктах Карашам, Молвино, их исчезновение (трансформация социального поведения) в д. Васюково, Татарские Наратлы и Мамадыш-Тявгильдино, Кугеево. В то же время один ваисовец появился в д. Городище.

По мнению Свияжского уездного исправника, после 1891 г. большая часть «секты» превратилась в обыкновенных мусульман, ни в чем себя особенно не проявляя. Однако они по-прежнему молились только в своих домах, считали грехом снимать шапку где бы то ни было и перед кем бы то ни было, налоги вносили непосредственно в губернское казначейство, а не местному сборщику податей, отказывалась получать пособие земства в неурожайные, голодные годы [НА РТ, ф. 1, оп. 3, д. 11525, л. 8–9]. В этой связи представляется закономерным их согласие в начале 1890-х гг. на новый коренной передел общинной земли по наличным душам.

По сведениям уездных исправников, в конце XIX в. в Казанской губернии численность ваисовцев не увеличивалась. В 1896 г. в Мамадышском уезде одно семейство проживало в д. Камышлы, шесть семейств – в д. Нурмабаш и два семейства – в д. Составак (Пустошь по речке Нурма) Старо-Юмьинской волости [НА РТ, ф. 199, оп. 1, д. 46, л. 88]. По другим сведениям, в этих селениях проживало всего семь последователей Б. Ваисова [НА РТ, ф. 1, оп. 3, д. 10499, л. 27 об.]. К ваисовцам принадлежал и крестьянин д. Новая Юльба Больше-Менгерской волости Казанского уезда Мухамедгали Байрамгалиев. Он без «письменного вида», незаконно проживал в г. Казани и в январе 1897 г. в третий раз был выслан в родную деревню [НА РТ, ф. 1, оп. 3, д. 10499, л. 10–10 об.].

В 1891 г. жена Б. Вайсова Бибигайниземал переехала к своей матери Шарипземал Абдулвалеевой, в д. Татарские Беденьки [РТ, ф. 1, оп. 3, д. 10499, л. 16]. Поэтому главная канцелярия «Божьего полка» переехала из Казани в Симбирский уезд, в доме жены Б. Ваисова хранились штампель и печати, которые прикладывались к исходящим бумагам. В ее доме на мо-

ления собирались сторонники Б. Ваисова, общественным богослужением руководил «доверенный» Ахметша Ибрагимов [НА РТ, ф. 1, оп. 3, д. 10499, л. 13–13 об., 16 об.]. Ваисовцы, проживавшие в разных местностях, систематически оказывали материальную помощь вдове своего наставника. Во время обыска 25 января 1897 г. в доме ее матери полиция изъяла 19 конвертов «от денежных писем» [НА РТ, ф. 1, оп. 3, д. 10499, л. 14–14 об.].

Таким образом, в последней четверти XIX в. немногочисленные, локальные общины ваисовцев существовали в населенных пунктах Карашам и Молвино Свияжского уезда и Татарские Беденьги Симбирского уезда. Еще в 16 деревнях (в пяти уездах) Казанской губернии проживали, как правило, одна или несколько семей ваисовцев. Еще один из центров располагался в Казани. Общая численность последователей Б. Ваисова, по нашему мнению, составляла не более 300 душ обоего пола, причем в конце столетия по разным причинам происходило сокращение их числа (высылка из губернии, заключение в психиатрическую больницу и т. д.). Рассмотренный материал свидетельствует о необоснованности заявлений о якобы имевшей место в рассматриваемый период высылке 300 семей ваисовцев в Сибирь за неподчинение властям и неуплату налогов [Алишев, Мөлеков, б. 166], о наличии в этот период в составе «движения» «от 2 до 15 тыс. последователей» [Шакуров, 2011, с. 95]. Наш вывод подтверждает предельно конкретное высказывание известного тюрколога Н.Ф. Катанова о том, что «Ваисов, не успев распространить своего учения, умер в психиатрической больнице» [Катанов, 1909, с. 3]. Поэтому неправомочно утверждение о существовании «ваисовского движения» в пореформенный период, следует лишь констатировать, что в последней четверти XIX в. и на рубеже столетий ваисовцы представляли только несколько разрозненных групп, численность которых постепенно уменьшалась.

Приложение

Список селений, в которых проживали ваисовцы
в последней четверти XIX в.

- Казанская губерния
Свияжский уезд
1. Молвино
  2. Карашам
  3. Васюково
  4. Татарские Наратлы
  5. Мамадыш-Тявгильдино
  6. Мамадыш-Акилово
  7. Верхние Ураспуги

- Казанский уезд
8. Большая Шухота (НА РТ, ф. 1. оп. 3, д. 7629, л. 42-42 об.)
9. Большие Вережи
10. Алан-Шепшиек
11. Новая Юльба
Мамадышский уезд
12. Камышлы
13. Нурмабаш
14. Состамак (Пустошь по речке Нурма)
15. Вершина речки Нурмы
Царевококшайский уезд
16. Уразлино
Симбирская губерния
Симбирский уезд
17. Татарские Беденьки

Литература

Алишев С. Вәисевчеләр тарихыннан / С. Алишев, М. Мөлеков // Казан утлары. – № 7. – 1989. – Б. 164–167.

Загидуллин И.К. Проведение земельной ревизии по реформе 1866 г. в многонациональной деревне Казанской губернии / И.К. Загидуллин // Крестьянство в российских трансформациях: исторический опыт и современность: материалы III Всероссийской (XI Межрегиональной) конференции историков-аграрников среднего Поволжья (Ижевск, 17–19 октября 2010 г.). – Ижевск, 2010. – С. 91–104.

Катанов Н.Ф. Новые данные о мусульманской секте ваисовцев / Н.Ф. Катанов. – Казань: Центральная типография, 1909. – 16 с.

Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. – Вып.1. – М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1936. – 512 с.

НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 10499.

НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 10541.

НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 11525.

НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 5195.

НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 7628.

НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 8453.

НА РТ. – Ф. 199. – Оп. 1. – Д. 46.

Сагидуллин М. К истории ваисовского движения / М. Сагидуллин. – Казань, 1930. – 33 с.

Смыков Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья в борьбе за землю и волю. 60–90-е годы XIX века / Ю.И. Смыков. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1973. – 270 с.

Усманова Д.М. Мусульманское «сектантство» в Российской империи: «Ваисовский Божий полк староверов-мусульман». 1862–1916 гг. / Д.М. Усманова. – Казань: «Фэн», 2009. – 568 с.

Шакуров К.Р. Ваисовское движение в России в 1860–1930-е гг.: дис. ... канд. ист. наук / К.Р. Шакуров. – Казань, 2011. – 254 с.